

ных действий со стороны завоевателей смену политического режима, все последующие столетия было вынуждено развиваться в условиях фактического синтеза разных культур. Новое общество должно было самоидентифицировать себя и выработать собственное понимание случившегося. В течение столетий этот процесс самоидентификации принял характер выработки более или менее устойчивых взглядов на историю государства, возникшего в результате завоевания, и на тех политических лидеров, которые заложили фундамент этого государства.

В основе этих взглядов, с одной стороны, лежал объективный набор фактов, оформлявшихся в историческую память народа, а с другой стороны, фактор субъективный, связанный с целенаправленным подбором и интерпретацией фактов, фиксировавшихся в исторических сочинениях. Так при помощи истории создавался политический стереотип, через призму которого разные поколения англичан, каждое по-своему, воспринимали события нормандской эпохи. Главной отличительной чертой этого стереотипа является его устойчивость на протяжении веков, даже в периоды бурных социальных потрясений, и его политическая ангажированность представителями различных общественно-политических группировок. С другой стороны, и поныне этот стереотип сохраняет двуединый характер, обладая политическим содержанием и пронизывая все английское общество, вплоть до бытового уровня.

† Профессиональное кредо

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ Э.А. ОРЛОВОЙ

Уважаемые коллеги! Мы продолжаем серию интервью с известными российскими учеными — авторами оригинальных научных концепций, монографий и учебников по социально-гуманитарным наукам. Интервью — это особый жанр публичного общения, в котором содержатся как элементы социальной "интриги", так и личные признания и откровения человека. Надеемся, что интервью с профессором Э.А. Орловой не станет исключением из правила и порадует читателей своей психологической глубиной и актуальностью обсуждаемых проблем. Эльна Александровна Орлова — доктор философских наук, профессор, один из первых авторов учебника по социальной антропологии, человек весьма разносторонний и творческий. Ее научная биография связана с науками о культуре. В настоящее время она работает директором Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры.

Резник Ю.М.: Эльна Александровна! Была ли в Вашей жизни мечта, которая воплотилась сегодня, хотя бы в общих чертах?

Орлова Э.А.: Одной-единственной мечты у меня никогда не было. Было много разных желаний, из которых какие-то реализовывались, какие-то — нет. Самое интересное заключается в последствиях. Иногда осуществление желаний не приносило удовлетворения, а то, что задуманное не удавалось, порой оборачивалось совершенно неожиданным подарком судьбы. Мне кажется, что обзавестись Большой Мечтой — это значит обречь себя на беспроигрышное разочарование. При ее реализации чаще всего оказывается, что затраченные усилия непропорционально велики по сравнению с результатом. Если же она не осуществляется, остается обида на судьбу.

Ю.М.: Оглядываясь на пройденный жизненный путь, хотелось бы Вам что-то изменить в настоящее время, внести коррективы? Другими словами, если бы была возможность повернуть вспять значимые для Вас события, изменить сценарий жизни, Вы бы стали это делать сейчас?

Э.А.: Нет, я ничего не хотела бы менять, ни корректировать в своей жизни. Это не значит, что я считаю себя счастливой и во всем правой. Я бы сказала, что у меня не было ощущения внутренней пустоты, бессмысленнос-

ти существования, а все, что со мной происходило, я принимала как ценный и значимый для меня экзистенциальный опыт.

Ю.М.: *Что Вы считаете главными достижениями Вашей жизни и творчества?*

Э.А.: Не знаю. Каждая законченная работа перестает быть для меня значимой.

Ю.М.: *Жизненный мир Эльны Александровны Орловой — это работа в науке, производство профессиональных текстов, создание и продвижение новых научных идей, или что-то еще, что не укладывается в рамки повседневной научной деятельности?*

Э.А.: Наверное, было бы правильно сказать, что в разные периоды жизни и мой жизненный мир, и мое личностное пространство менялись. В какое-то время казалось, что самое реальное, самое важное — это существовать в мире высокого искусства и удивляться утонченности и многообразию виртуальных пространств, бесконечных для одного человека и предлагающих полноту бытия в фантазиях и сопереживаниях, с которой кажется несопоставима бедность повседневного существования.

А потом наступал период активных контактов с другими людьми, и эти отношения представлялись самым главным. Интеллектуальные же богатства становились лишь поводом для подтверждения взаимного приятия или жестокого противопоставления себя другим. Иногда хотелось одиночества и отделенности, отгороженности от других, даже самых близких, а иногда лучше всего было раствориться в толпе.

В определенные периоды полная погруженность в решение профессиональной проблемы представлялось единственно возможным способом существования, и любое отвлекающее событие, даже самое интересное, воспринимается как помеха. Однако бывает, что успешная работа оказывается невозможной без широкого круга контактов со знакомыми, без обращения к другим областям науки, к разным произведениям искусства, без длительных прогулок по городу. Скорее всего, мой жизненный мир многомерен, подвижен и внутренне изменив во времени.

Ю.М.: *Каково Ваше жизненное и профессиональное кредо? На чем стоит, и будет стоять профессор Орлова? Есть ли у Вас принципы, от которых Вы не сможете отказаться никогда?*

Э.А.: В жизни я придерживаюсь максимы: делай, что можешь, и будь, что будет. В науке для меня важно понимание предметной области, которой я занимаюсь, непосредственная связь с ней, а также возможность отчетливо высказать о ней то, что представляется необходимым. И то, и другое для меня непросто, но я стараюсь. По поводу же принципов, от которых нельзя отказаться, я бы сказала: никогда не говори никогда. Тем более, насколько мне известно, абсолютных принципов в человеческой культуре не бывает.

Ю.М.: *У каждого настоящего ученого с годами формируется общий замысел (проект) научных исследований, своя философская и научная система. Вы можете описать вкратце основные контуры этого проекта?*

Э.А.: Из философских направлений мне ближе всего феноменология — в принципе во всех ее вариациях, в особенности в том виде, в каком она появилась в период постмодерна. С этих позиций мне интересно изучать то, что можно назвать социокультурной реальностью, которую я понимаю следующим образом. Человечество как вид, отличный от других видов, по природе своей, как и они, социально, т.е. люди выживают только во взаимодействии с себе подобными видами. Но будучи отделенными, отграниченными от других видов, человечество обустроивает свою "экологическую нишу", которая составлена из природных и искусственных образований. Ее строение обусловлено видовыми, антропологическими универсалиями, которые можно рассматривать как врожденные механизмы трансформации внешних значимых для людей проявлений окружения в ареале их жизненного мира, который и можно назвать социокультурной реальностью. Она порождается, поддерживается, меняется и разрушается самими людьми и человек живет в этой своей ограниченной, преобразованной реальности, а не в Космосе, не в Мире, не в Природе. Люди живут в мире феноменов, а не независимых от них "вещей" или "объектов" как таковых; этот мир сконструирован (в смысле выстроен) ими, а не дан априорно как нечто природное. Вот вкратце та исходная позиция, которую я разделяю, а направление изучения социокультурной реальности, которое мне наиболее близко, я называю конструктивной феноменологией, имея в виду поиск ответа на вопрос, как, на каких основаниях люди конструируют свою реальность.

Ю.М.: *В чем Вы видите свое научное призвание? Вы служите Истине, Науке, научному сообществу или, возможно, удовлетворению своего любопытства, научного тщеславия, творческих амбиций, которыми Вы как яркая личность, безусловно, наделены?*

Э.А.: Мне трудно ответить на этот вопрос. У меня есть внутреннее, можно сказать, убеждение, что я занимаюсь тем, чем должна заниматься. Я могу сказать, для чего я это делаю: вопросы, которые меня занимают, пока остаются без ответа в социальных науках, что при применении теоретического знания в практике приводит к неэффективным действиям. Но я не знаю — и, честно говоря, не хочу знать, — почему я это делаю. Мне кажется, что если бы даже я и могла ответить на этот вопрос, я потеряла бы ту напряженность в отношениях с реальностью, которая одна является источником и движущей силой познания. Оговорюсь: я не знаю, хорошо или плохо то, что я делаю. Я работаю так, как могу, в направлении, которое мне представляется важным, и стараюсь доводить свои построения до логического конца. Наверное, это для меня самое главное в моей работе.

Ю.М.: *Эльна Александровна! Много лет Вы отдали науке. У Вас имеются работы по социологии, социальной антропологии и культурологии, т.е. практи-*

чески по всем отраслям социальной науки. И все же, если бы Вас попросили сделать выбор, какую из социально-научных дисциплин Вы бы предпочли?

Э.А.: Конечно, это — социальная или культурная антропология.

Ю.М.: Эльна Александровна! Каков Ваш идеал современного ученого, работающего в области социальных наук? Он должен объединять в себе теоретика и эмпирика, быть новатором или пионером новых научных направлений, быть практически ориентированным и даже прагматичным исследователем, иметь поддержку сильных мира сего, чтобы осуществить свои проекты? Одним словом, как бы Вы определили его научное лицо и социальную позицию в сообществе?

Э.А.: У меня нет какого-то единого идеала современного ученого, работающего в области социальных наук. Наука, в том числе социальная, — это не индивидуальное, а коллективное предприятие.

Мне кажется, что идеально-типичная схема научного познания как феномена культурной жизни включает в себя целый ряд необходимых функциональных ролей: это видящий проблему в обществе, в культуре или социально-научном познании и фантазирующий по поводу ее решения; это теоретик спекулятивного уровня, который пытается логически построить ответ; это эмпирик, который пытается проверить фантазии первого или схемы второго на уровне феноменальной реальности; это эрудит, который специализируется на обзорах всего того, что написано в прошлом и настоящем вокруг проблемы; это критик, подвергающий сомнению все, что делают остальные; это исполнитель, который четко работает по установленным правилам сбора и обработки материалов; это популяризатор, который доводит научное знание до общественности; это "социальный инженер", доводящий теоретическое знание до технологического уровня; это исполнители социокультурных проектов; наконец, это ученики и последователи носителей этих функциональных ролей.

Следует подчеркнуть значимость организаторов самой научной деятельности, без которых ни один ученый не может существовать, без которой невозможно ни одно открытие или изобретение. Что касается темы новизны в науке, то, конечно, с моей точки зрения, наука как область культуры принципиально ориентирована на поиск нового знания. Соответственно приоритет я бы отдала ученым, погруженным в работу над нерешенными проблемами. Но повторяю, все функциональные роли, которые были перечислены, необходимы, чтобы научное познание осуществлялось.

Важно, чтобы лидеры в каждой из областей деятельности отбирались научной общественностью в соответствии с критерием профессиональной, возможно, и общекультурной компетентности, а не политической конъюнктуры или бюрократической иерархии. Что же касается социальной позиции представителя социальных наук, то я бы определила ее двумя существенными началами, организующими и регулирующими деятельность каждого ученого: профессиональная честность и гражданская ответственность.

Ю.М.: Кто среди отечественных социальных ученых в наибольшей степени приблизился к этому идеалу или внес заметный вклад в развитие фундаментальных положений социальной науки, которые до сих пор оказывают влияние на умы результаты работы исследователей среднего и младшего поколений? Есть ли у Вас своеобразный камертон, по которому Вы безошибочно определяете звучание научных идей, открытий и достижений?

Э.А.: В России есть социальные учения с очень высоким творческим потенциалом, ученые мирового класса. Каждый из них внес определенный вклад в развитие социальных наук — экономики, социологии, психологии, культурной антропологии (в основном в форме этнографии). Но, к сожалению, это в основном одиночки с ограниченным кругом влияния. Очень редки случаи, когда кто-то из них имеет настоящих учеников и последователей. Обычно, если они руководят исследовательским коллективом, то его члены оказываются скорее формальными исполнителями, чем разработчиками теоретического направления. Если они руководят аспирантами, то последние редко остаются работать в рамках темы руководителя, а уходят в другое место, перестают вообще ею заниматься. И достаточно частой является ситуация, когда очень талантливый ученый долгое время, практически все молодые годы, с трудом пытается утвердить свое право заниматься собственной, новой темой; если повезет, то в зрелом возрасте он добивается этого права, но и теперь он, как правило, занимается этой темой в одиночку. В лучшем случае такие ученые становятся авторами учебных пособий, по которым учатся многие студенты во многих вузах. Но и здесь их научное влияние иллюзорно, поскольку в силу государственных требований к такой литературе знание здесь представлено в упрощенной форме, а все тонкости, сложности и проблемы — что, собственно, и составляет ткань подлинно научных текстов — убираются.

Что касается критериев оценки качества научных работ, то я полностью разделяю те, что считаются в науке общепринятыми. К обязательным следует отнести: четкую формулировку проблемы; ясные исходные допущения; последовательная логика рассуждений и доказательств; обоснованность и достоверность результатов; эвристичность теоретической модели. Необязательными, но желательными критериями можно считать: изящество теории или теоретической модели (первоначально они могут быть громоздкими, хотя и безусловно эвристичными); изящество изложения (автор может быть превосходным мыслителем, но владеть всего лишь стандартным письменным, а не изысканным литературным слогом).

Ю.М.: И еще один вопрос в этом плане. Почему, на Ваш взгляд, отечественная социальная наука не имеет сегодня общепризнанных лидеров уровня Т. Парсонса, Ю. Хабермаса и пр.? Только ли идеологический диктат недавнего советского прошлого тому виной? Связано ли это как-то с формированием научных школ? Вообще что для Вас означает выражение "иметь научную школу"?

Э.А.: Вначале об уровне развития отечественных социальных наук. Он достаточно низок по ряду причин.

Во-первых, практически в течение всего XX в. в России отсутствовали теоретические и методологические исследования. В то время как в Европе и США социально-научное знание быстро и последовательно приобретало статус научного, формировались общие теории и теории среднего уровня, активно обсуждались вопросы методологии и технологий теоретических и эмпирических исследований, в России картина была совершенно иной. Здесь до сих пор в ходу совершенно абсурдные словосочетания “философские науки” и “гуманитарные науки”, хотя совершенно очевидна специфичность и выделенность по отношению к науке философского отношения к миру, а также принципиальная вненаучность гуманитарного типа познания. Статус социальных наук, которые в России до сих пор определяются как “философские” или “гуманитарные”, остается неопределенным. Кроме того, философская общественность страны приняла и долгое время сохраняла позицию марксизма как единственной теоретической модели объяснения (интерпретации) социальных и культурных явлений. Это фактически превращало любые интеллектуальные поиски в подгонку их путей и результатов под заранее заданные схемы и отсекало любую теоретическую и методологическую новизну как “немарксистскую”. Была одна Теория – марксистско-ленинская, и одна методология – диалектико-материалистическая. Другие были в этом случае излишними.

Во-вторых, отсутствие теоретического плюрализма имело два негативных для развития социальных наук следствия. Одно из них заключалось в отсутствии серьезных социально-научных дискуссий, относящихся к таким значимым для качества научного знания вопросам, как: исходные основания социальных наук; особенности объяснения в социальных науках; типы и статус социально-научных теорий; источники социально-научной информации, критерии оценки ее обоснованности и достоверности и т.п. Соответственно в то время как в Европе и США социальные науки все более приобретали собственный статус, выделяющий их из области философского и гуманитарного познания, в России научный аспект обществоведения не развивался и по содержанию оно оставалось синкретичным, рационально слабо дифференцированным. Второе следствие связано с позицией самого российского марксизма. В качестве единственной теоретической модели он догматизировался, упрощался, становился идеологией, поскольку не имел для дальнейшего развития внешних факторов, оставаясь закрытой концептуальной системой. Соответственно интерпретации того, что происходило в мире и в стране были односторонними и предельно упрощенными. Итак, социокультурная жизнь усложнялась, а примитивность ее квази-объяснений сохранялась.

В-третьих, связь российского обществоведения с западными социальными науками носила довольно экстравагантный характер: это была крити-

ка буржуазных экономики, социологии, психологии, лингвистики, демографии, этнографии. Поскольку осуждаемые теории были достаточно сложными, утонченными и потому недоступными пониманию наиболее догматичных светских марксистов, критика оказывалась топорной и была не столько выявлением внутренних противоречий или познавательных ограничений подвергаемых экзекуции концепций и моделей, сколько площадной бранью в ленинско-сталинском духе. Люди с более открытыми умами использовали критику, причем, совершенно осознанно, чтобы через нее означить научную и студенческую общественность с тем, что происходило в социальных науках на мировом уровне. Но это был неэффективный путь. Прежде всего, отбор объектов критики определялся тем, какая литература была доступна автору, а не тем, какая научная позиция была наиболее эвристичной или хотя бы модной. Далее, плохое знакомство с мировым социально-научным контекстом и порядком событий внутри него мешало критикам понять, для чего и почему появились определенные концепты, теоретические модели, направления. Соответственно интеллектуальные акценты в прочитанном расставлялись неадекватно, наконец, при грубости используемого инструментария и критика оказывалась топорной, и просветительство по-детски примитивным. Поэтому такой прием не способствовал преодолению профессионального отставания советских обществоведов от западных представителей социальных наук.

В-четвертых, удивляет отсутствие у российских обществоведов интереса к рациональному познанию и пониманию общества и культуры как предметных областей познания. Большинство больших работ на эти темы – индивидуальных и коллективных монографий, учебников и учебных пособий – отличаются догматичностью, реификацией категорий, предельно наивными представлениями о прошлом, экзотичностью понятийного аппарата и фантастичностью, правдой, убогой, представлениями о том, что они описывают – будь то история культуры, культурологические рассуждения, социологические квази-обобщения и т.п. Но ведь в российских библиотеках собрана великолепная литература мирового класса по социальным наукам, за что особая благодарность и низкий поклон отечественным библиотекарям. И она всегда была вполне доступной для научной общественности. Да и изучение иностранного языка, начиная с середины 1960-х гг., не было проблемой – соответствующие курсы были повсюду, а обучение стоило совсем недорого. Видимо, нравы и обычаи в обществоведческой российской субкультуре были таковы, что не поощряли увлеченности научного работника предметной областью, с которой он имел дело. Можно сказать, модальная личность здесь в интеллектуальном отношении была ленивой и нелюбопытной. Поэтому любые попытки всерьез заниматься социальными науками воспринимались как “отклоняющееся поведение” и “товарищи по работе” прямо и недвусмысленно – вплоть до обвинения в “не-марксизме”, или полити-

ческой неблагонадежности – давали понять "нарушительно", куда ему следует вернуться и в каких интеллектуальных пределах оставаться. О каких социально-научных поисках и школах можно говорить при подобных нравах и обычаях?

Вот, с моей точки зрения, важные, хотя, далеко не все причины отсутствия в стране ярких социальных ученых мирового масштаба. Это же объясняет отсутствие российских социально-научных школ. Под научной школой принято понимать совокупность исследований, порождающих систему взглядов, концептов, категорий, познавательных моделей и теорий, базирующихся на общих исходных допущениях, относящихся к одной предметной области и связанных с решением проблем определенного класса. Я полностью присоединяюсь к такому определению. Но для формирования школы нужны лидеры и последователи. И если в России есть ученые, которые могли бы стать лидерами научной школы, то в российских социальных науках не сложилась еще культура последователей.

Ю.М.: Как, на Ваш взгляд, обеспечить преемственность научных поколений, чтобы подняться на уровень мировых стандартов в социальных исследованиях и профессиональном образовании? Считаете ли Вы, что Россия во всем, что касается подготовки социально-научных кадров, должна следовать по пути Запада?

Э.А.: Прежде всего, в науке должны быть сильные теоретические течения. В российских социальных науках их практически нет. Отсутствуют собственные теории; вузовская наука – это только название; профессиональная подготовка в социальных науках слабая. Пока я не вижу реальных возможностей обеспечить преемственность поколений в социальных науках, поскольку нет сложившихся школ и направлений ни в социологии, ни в культурной антропологии. Нет собственных фундаментальных теорий, а западные освоены лишь поверхностно: они в основном пересказываются, но инструментально не используются.

Преемственность поколений в науке обеспечивается только тогда, когда есть сильные научные школы и направления; когда их лидеры – люди, знающие и понимающие предметную область, которой они занимаются; когда каждое научное направление имеет солидный корпус уже накопленного знания и обозримое проблемное поле. В этом случае молодые видят, из чего можно выбрать область собственных интересов и четко определить, с каких позиций можно рассматривать интересующие их вопросы.

А в отечественных социальных науках доминирует догматическая позиция: студентам предлагают готовые утверждения, более всего похожие на идеологемы; им не преподается то, что необходимо для занятий как фундаментальной, так и прикладной наукой, а именно умение увидеть и сформулировать проблему, и решать ее, последовательно продвигаясь в познании, а не оперируя только готовыми клише. С моей точки зрения, это антрополо-

гический принцип познания, общий для запада, севера, востока и юга. Что касается подготовки социально-научных кадров, то сегодня в мире существуют лишь вариации примерно одной и той же схемы обучения и профессиональной социализации, а не принципиальные межкультурные различия.

Ю.М.: Как Вы оцениваете роль академического корпуса ученых в развитии социальной науки? Каково Ваше отношение к структурной реформе РАН, в т.ч. объединению гуманитарных институтов, сокращению численности ученых? Поможет ли она сохранить научный потенциал России? И вообще каким, с Вашей точки зрения, должен быть проект организации науки и научного сообщества?

Э.А.: В России пока все сколько бы то ни было заметные достижения в области социальных наук осуществляются в рамках академических институтов. Это особая субкультура со своими корпоративными нормами и свободами.

Другая институциональная форма организации науки в России – это отраслевые институты. Традиционно академические институты были ориентированы в основном на фундаментальные исследования, а отраслевые – на прикладные разработки. Однако в настоящее время при изменении статуса научного знания – оно быстрее проникает в более широкий социокультурный контекст и преобразуется в технологии, – наверное, отраслевые институты могут стать мобильными познавательными и инженерными структурами при условии, что современные социальные науки становятся все менее спекулятивными и все более подчиняются экспериментальной логике.

В то же время я считаю, что существование в России трех форм организации научного познания – академическая, отраслевая, вузовская наука – это одно из немногих достоинств, имеющихся в отечественной культуре. Мне кажется, что любые реформы в отношении науки сегодня будут спешествовать ее разрушению, и мы потеряем в социальных науках даже то немногое, что имеем. Реформу будут осуществлять чиновники, в том числе и от науки, которые не понимают ни места науки в культуре, ни специфики научного познания, ни особенностей динамики науки как особой области культуры. Любые попытки бездумно объединять, сокращать, навязывать тематику или формы работы по отношению к сложившимся научным структурам – это значит терять их, пусть не очень высокую, эффективность, но ни в каком случае не увеличивать ее.

Структурные реформы в науке опасны и грозят ее разрушением, тем более, что проводится она будет некомпетентными людьми. С моей точки зрения, в отечественной науке нужна не структурная форма, а содержательная модернизация. Прежде всего самим социальным ученым нужно попытаться коллегиально существенным образом повысить требования к качеству профессиональной деятельности и именно в соответствии с познавательными критериями оценки, а не с точки зрения массовой доступности и популярности результатов работы.

Мне кажется, сегодня существует настоятельная необходимость активизировать функционирование профессиональных ассоциаций во имя защиты прав и свобод ученых, расширения сфер их гражданской независимости от государства. И, конечно, необходимо сохранить форму научно-исследовательских институтов, где возможна разработка долгосрочных и венчурных тем. Работа по краткосрочным грантам с неизвестно кем назначенными тематическими приоритетами и неопределенными критериями отбора заявок — это путь к деградации научного познания в стране.

Я думаю, наступило время ученым начать отстаивать свои гражданские и культурные права и самим искать формы современного существования институциональной науки, понимая, что игры в экономический детерминизм, как это существует сегодня, — это культурная, а не природная форма; приоритеты в области бюджетного финансирования придумывают в общем-то случайные и не очень компетентные люди, служащие своим группам интересов и равнодушные к судьбам науки и ученых. К сожалению, реальность такова, и меры следует предпринимать самим ученым, а не отдавать свою профессиональную судьбу представителям совершенно иной субкультуры, несопоставимой с научной, т.е. на откуп бюрократическим системам.

Ю.М.: Эльна Александровна, Вы проработали много лет в научно-исследовательских и образовательных учреждениях. Занимаясь научными исследованиями, Вы не прекращали преподавать, работать с аспирантами и докторантами. По Вашему мнению, правомерно ли сохранять сложившееся за многие десятилетия разделение академической и вузовской науки, научной и преподавательской работы?

Э.А.: Как я уже говорила, я считаю вполне целесообразными те институциональные формы, которые характерны для российской науки: академическая, отраслевая и вузовская. В интегральном плане они выполняют взаимодополняющие функции (в идеально-типическом смысле).

Академическая наука в идеале должна ориентироваться на познавательные инновации, на построение фундаментальных теорий и решение самых глубинных методологических проблем. Отраслевая наука может стать областью корректировки фундаментального знания, построения теорий промежуточного уровня и технологических разработок.

Задачи вузовской науки — обеспечить интеграцию фундаментального и прикладного знания в культурно приемлемые системы социально значимой информации.

Совершенно очевидно, что институциональные формы рационального познания в функциональном отношении пересекаются лишь частично, для них характерна высокая степень функциональной автономии и они не взаимозаменяемы. К моему большому сожалению, практика свидетельствует о том, что один человек не может одновременно быть одинаково полноценным преподавателем и исследователем.

У этих социальных ролей разные функции. Преподаватель транслирует знания, признанные в обществе, в профессиональной среде культурно обязательными, т.е. он ориентирован на нормативно установленное, стандартизированное знание. Профессиональное занятие такого рода деятельности закрепляет совершенно определенный набор привычек с векторной направленностью на догматизм и доктринерство. Исследователь ориентирован на получение нового знания, на решение внутринаучных или социальных проблем. Он должен быть открытым к неожиданностям со стороны изучаемой предметной области и всегда понимать, что любое получаемое им знание относительно и условно. Соответственно его позиция всегда критична, и ему противопоставлены догматизм и доктринерство.

А теперь зададим себе вопрос: может ли один человек сочетать в себе оба начала в равной степени? Мне кажется, ответ очевиден и неотрицателен. Различные результаты академической и вузовской науки. Первая ориентирована на продвижение от познанного к непознанному, на формулирование новых познавательных проблем, на формирование новых предметных областей изучения. Вторая — на интеграцию уже имеющегося знания, на приведение его к форме, значимой для широкого социокультурного контекста. Наверное, разделение этих форм рационального познания не нами осуществлено и не нам их насильственно объединять. Нам следует признать, что они не взаимозаменяемы и не поддаются полной интеграции и в зависимости от темперамента либо радоваться и удивляться такому различию, либо посыпать голову пеплом.

Ю.М.: Что ожидает, на Ваш взгляд, отечественную социальную науку в ближайшие годы? Возможен ли взрыв, резкий скачок в развитии? Связываете ли Вы с этим осуществление радикальных общественных и политических изменений? Возможно ли укрепление статуса, улучшение материального положения российского ученого, повышение его значимости в глазах общественности и усиление поддержки со стороны государства без глубоких преобразований всего социума?

Э.А.: Я думаю, что нашу социальную науку в ближайшем будущем не ожидает ничего хорошего. Первое поколение энтузиастов сходит со сцены. Практически никто из значимых фигур старшего поколения не оставляет после себя не только сложившегося социально-научного направления или школы, но даже законченной оригинальной теории — пусть даже не крупномасштабной. Ни у кого из них нет последователей, которые продолжали бы незавершенные теоретические разработки.

Социально-научное образование — вузовское и послевузовское — сегодня в стране безнадежно устарело по содержанию. Но никакой надежды на улучшение положения дел не предвидится. Преподаватели обычно работают в нескольких местах, и им просто некогда серьезно продумывать и существенным образом обновлять учебные программы. Студенты в большинстве своем работают и просто не могут уделять полноценному освоению знаний, необходимых

для научной работы, необходимого внимания. Наиболее талантливые предпочитают научной карьере коммерческую, поскольку оплата труда молодого ученого фактически ниже прожиточного минимума. Те, кто поступает в аспирантуру, также вынуждены работать и чаще всего не в том месте, где обучаются. Сегодня в большинстве вузов проблема заключается в том, что аспирант работает над случайной темой; научному консультанту чаще всего работа аспиранта мало интересна; обсуждение завершённой работы и защита диссертации в основном оказываются чистой формальностью. Наконец, аспирант "со стороны", не работающий в научно-исследовательском институте или вузе, где он обучается, сегодня чаще всего даже надеяться не может на то, чтобы продолжить здесь работу в качестве сотрудника.

Иными словами, все эти факторы делают для молодых людей, даже очень талантливых, научную карьеру непривлекательной. Только чудо может изменить ситуацию. А поскольку чудес не бывает, особенно в отношении статуса науки в стране, переживающей эпоху "дикого капитализма" в контексте постиндустриализма, вряд ли стоит ожидать пополнения социальной науки талантливыми молодыми приверженцами. А коль скоро это так, то не следует надеяться на улучшение социального статуса, материального положения и условий работы российских социальных ученых. Единственная возможность как-то улучшить положение дел — это вернуться к сервильной позиции светских обществоведов. Или, как я уже говорила, начать активно отстаивать свои гражданские права и права человека.

Ю.М.: Эльна Александровна, можно ли узнать, как складываются сегодня Ваши научные и личные отношения с официальной академической элитой? Кто входит в Вашу референтную группу?

Э.А.: В академических институтах у меня есть хорошие знакомые. Это интересные, талантливые люди, знакомство с которыми для меня большая честь и удовольствие. Эти люди составляют для меня реальную референтную группу. В своих работах я ориентируюсь на определенные направления американской социологии и культурной антропологии, а также на европейскую философию постмодерна. Несколько наиболее интересных для меня авторов из этих областей знания — это моя виртуальная референтная группа. Мне хотелось бы чувствовать себя в профессии также свободно и непринужденно, как они, и подобно им столь же глубоко понимать нашу предметную область.

Ю.М.: Связываете ли Вы будущее социальной науки в России с молодыми исследователями? Есть ли у нас талантливая научная молодежь, которая способна дать новый импульс развития научных идей и проектов?

Э.А.: Очень хочется надеяться на то, что хотя небольшое количество талантливых молодых людей решится в этот трудный период связать свою судьбу с социальными науками. Среди молодых людей заметен высокий уровень интереса к обществу и культуре, в которых они живут, к себе как к

субъектам социокультурной жизни. Среди них есть люди, которые проявляют к этим темам повышенный интерес и особую проницательность в их осмыслении. Но, как я уже говорила, вряд ли такие молодые люди сейчас выберут серьезную карьеру в области социологии или культурной антропологии. Для получения социально-научного знания у них хорошие стартовые возможности — знание иностранных языков, широкий доступ к информации, большая, по сравнению с предыдущим поколением, внутренняя раскрепощенность.

Но для реализации научной карьеры их стартовые возможности предельно ограничены: при грядущем сокращении количества рабочих мест в науке вероятность получить работу в солидном научно-исследовательском учреждении предельно ограничена; но даже если этот вопрос как-то решится, заработная плата в таких учреждениях для начинающих столь низка, что только фанатик может принять такую аскезу; но и в этом случае он попадает в достаточно циничную среду, где побуждением продолжать работать является что угодно, но не стремление к научному познанию. Таким образом, талантливая молодежь в стране, безусловно, есть; она могла бы дать новый импульс модернизации отечественных социальных наук. Но кризисное их состояние делает социально-научную карьеру мало привлекательной.

Ю.М.: И, наконец, последний, традиционный вопрос. Ваши научные планы на будущее? Что Вы намерены осуществить в самое ближайшее время?

Э.А.: Сейчас меня занимают две значимые для меня темы.

Во-первых, хотелось бы серьезным образом продумать исходные основания для построения конструктивной феноменологии как объяснительной теории и соответствующей методологии, относящихся к такой предметной области изучения, как социокультурная реальность.

Во-вторых, мне наконец хотелось бы приступить к разработке темы, которая интересует меня уже давно — методология изучения социокультурной реальности в условиях становления новой познавательной парадигмы. А в ближайшее время мне хотелось бы небольшого но заинтересованного и высококвалифицированного коллектива сделать хороший словарь терминов социальной и культурной антропологии, который был бы инструментальным, современным и ориентированным на студентов и аспирантов, занимающихся социальными науками.

Ю.М.: Эльна Александровна! Огромное спасибо за Вашу искренность и дружеское расположение.